Приложение 3

СТЕНОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА НАДЖИБУЛЛЫ ПЕРЕД СТАРЕЙШИНАМИ ИЗ ПРОВИНЦИИ ПАКТИЯ В СВЯЗИ С МЯТЕЖОМ ГЕНЕРАЛА Ш.Н. ТАНАЯ. 11 марта 1990 г. (перевод с пушту)

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

Здравствуйте, многоуважаемые старейшины!

Вначале хочу сказать, что я горжусь тем, что являюсь вашим воспитанником и получил необходимые уроки ваших достоинств, чести и великодушия, а также горжусь тем, что в моих жилах течет чистая кровь наших афганских и мусульманских отцов и предков.

Я действительно горжусь этим!

Чтобы устранить ваши волнения и беспокойства, хочу рассказать Вам, что случилось в нашем доме.

Танай родом из провинции Пактия и района Танай. Я своим товарищам повелел, чтобы больше не говорили Шахнаваз Танай, а просто называли его Шахнаваз.

Представьте себе, если не дай Аллах, я завтра пойду к пакистанцам, и не к их лидерам – генералам, а просто к пограничным заставам. Вчера мне сообщили, что начальник отдела пограничной разведки Пакистана беседует с Шахнавазом, проводит следствие с ним и дает ему указания. Представьте, я обращусь к простому чиновнику из Пакистана и к Пакистану, который не только имеет давнюю вражду к НДПА, но и, надо добавить, что даже, когда НДПА не существовала, Пакистан и тогда был вашим врагом и врагом афганцев. Теперь представьте: я, как член НДПА и как афганец, обращусь к ним. Тогда Вы бы назвали меня своим сыном, своим потомком, своим Танаем, своим Ахмадзаем?

Называя его Танай, прошу не оскорблять священное имя района Танай. Называя Гульбуддина и Сайафа из племени Харотай, прошу не оскорблять Харотай. Если на Вашем теле появилась опухоль (язва), вначале Вы стараетесь всеми возможными средствами вылечить ее, а если не получится, то Вы будете делать операцию, если и это не поможет, то тогда Вам удалят ее. Но разве тогда Вам будут говорить, что Ваше тело стало негодным? Или Вы неправильно поступили? Нет, этим Вы уничтожили микроб и ликвидировали болезнь.

Итак, я тоже ликвидировал болезнь.

Сейчас я поподробнее все Вам расскажу.

Пользуясь случаем и этой трибуной, еще раз хочу побеседовать с народом Афганистана, с оппозицией. Пользуясь этим микрофоном, хочу побеседовать с Шахнавазом, который сидит там, и если имеет немного гордости, то должен застрелить себя. Он бомбил президентский дворец, но не бомбил Наджиба. Он не может бомбить Наджиба. Он имел бомбы, имел самолеты, но со мной был Аллах и народ. Я вырос с материнским молоком, я в объятиях мамы и папы принял честь и великодушие, прислушивался к Вашим советам и наставлениям, поэтому я остался жив. Этого хотел Аллах! Я сотни раз заявлял Вам и миру, что если кто-то придет и с его приходом здесь будет обеспечен мир, то я сразу уступлю ему свой пост. Я не любитель власти. Я – служитель народа!

Аллах говорит: «Я с тем, у кого есть терпение».

Сейчас хочу Вам рассказать, сколько я терпел. Но я вначале хочу напомнить о другом. Сейчас весь мир говорит и Вы тоже волнуетесь, что, не дай Аллах, в нашей партии произойдет раскол между халькистами и парчамистами. Вы в курсе, что я сначала наказывал парчамистов. Но я Вам скажу, что сейчас не надо обвинять халькистов. Они стоят на моей стороне. Я чрезвычайно благодарен и признателен их верности и преданности. В этом зале меня слушают несколько членов НДПА, а вечером по телевидению и радиовещанию меня будут слушать товарищи – все члены НДПА, находящиеся в столице и в

провинциях. Я хочу заявить, что те, кто хотел совершить переворот, не были халькистами.

Когда Хальк и Парчам разделились, то от крыла Хальк отделилась одна группа, которая стала называть себя «заргунисты». Группа была нелегальной и скрывалась в тени крыла халькистов. Настоящие халькисты в то время мужественно защищали все доверенные им государственные посты. А «заргунисты» называли себя халькситами, но все время пытались предать настоящих халькистов.

Немного истории.

30 августа 1989 года была раскрыта сеть шпионов Гульбуддина и был схвачен их лидер в Кабуле, у которого находились документы диверсионной организации. Было выяснено, что они намеревались действовать в трех направлениях: вербовка в армии, диверсии и проведение антиправительственной пропаганды среди улемов, духовенства и интеллигенции.

Я вызвал к себе ответственных товарищей, и в том числе Якуби. Ему я сказал: «В списке имеется много генералов, а первым в списке идет Валишах. Надо подумать, как бы это не было заговором противника. Ведь если мы схватим всех этих генералов, то тем самым ослабим только себя». Тов. Якуби ответил, что мое замечание правильное и он над этим хорошо подумает. Я сказал, что подумать мало. Надо, чтобы он принес мне вечером показания каждого подследственного. Затем я вызвал к себе главного прокурора и ему дал указание: взять следствие под жесткий контроль, чтобы были наказаны только виновные и соблюдалось правосудие. Чтобы предотвратить взрывы и гибель людей, я распорядился схватить диверсионную группу. Группа была схвачена и призналась, что действительно принадлежала к той партии (имелась в виду партия Г. Хекматьяра. – Примеч.перев.). Члены группы признались, что совершили взрыв бомбы около посольства Индии, в Политехническом институте, в микрорайоне, а также планировали в день переворота провести взрывы в разных точках города. Они указали местонахождение взрывчатки и мы по телевидению проинформировали Вас об этом. Вы хорошо знаете, что во время взрывов погибают мирные люди: дети, женщины и старики. Как мы можем помиловать тех, кто убил столько людей?

Аллах – самый милосердный, но даже он для наказания грешников имеет ад. И если пророк Магомет будет просить прощение за нас перед Аллахом, даже Аллах не сможет всех простить. А как же мы можем простить тех, кто убивает невинных людей? На Лоя джирге Вы возложили на меня огромную ответственность и я с честью принял ее и буду идти вперед. Хочу сказать, что если народу будет нужна моя жизнь, я сразу же отдам ее. И Вы видели доказательство этому.

В тот день я у себя в кабинете встречался со старейшинами Баглана, а потом со старейшинами Саланга. Когда они покинули мой кабинет, началась бомбежка и великий Аллах спас меня. Я максимально стараюсь, чтобы весы правосудия находились в равновесии. Я хочу, чтобы виновники, которые совершили убийства мирных жителей: детей, женщин и стариков, не остались безнаказанными. В день переворота погибло 95 человек.

Шахнаваз был любителем власти. Я несколько раз предлагал ему занять мое место. Когда бомбы падали на меня, это можно понять, но как можно понять то, что бомбы упали на мечеть Поли–Хешти. И этим он хотел доказать ваххабитам, что тоже отвергает мечети. Еще бомбы были сброшены на проспект Майванда и на дома мирных жителей. Я навещал раненых в больнице. Смотря на них, у меня сжималось сердце. Я не знаю, в чем они виноваты? Если я не накажу виновных, не будет соблюдено правосудие. Также нами были схвачены агенты, работающие среди улемов, духовенства и интеллигенции. Они также дали необходимые показания. В результате был раскрыт их дальнейший план. А план был таким. Они совместно с Гульбуддином намеревались создать четыре полка: первый, под именем «Ицар», должен был дислоцироваться в провинции Логар, второй – в провинции Майдан, третий – в районе Дехе Сабз. В день совершения перево-

рота они должны были атаковать военные части Республики в тех районах, где они находились, и обстреливать столицу. В это же время диверсионная группа в разных точках столицы должна была произвести ряд взрывов. Самое страшное заключалось в том, что все зенитные батареи, находящиеся в Хайрабаде, Карге, Тапай Маранджан и Шарара стали бы обстреливать город. А их соучастники в других военных частях также должны были поддержать их. В результате они должны были одержать победу. И поэтому мы были вынуждены схватить всех тех, кто был так или иначе связан с заговорщиками и находился в разных военных частях. Они признали свое участие в заговоре, и мы начали следствие. Генералы тоже признали свое участие в заговоре. Несмотря на то, что есть решение Ревсовета, органы безопасности имеют право сначала схватить предателя, а потом доложить о нем начальству. Я тов. Якуби дал поручение пойти к Шахнавазу и посоветоваться с ним о том, что делать с этими офицерами. А в это время следствие дошло до уровня полковника. Шахнаваз дал свое согласие на их арест, сказав, что, если они предатели, их надо схватить. Тов. Якуби остался доволен беседой и, придя ко мне, сказал, что Танай полностью поддерживает наше решение. Десять дней спустя, когда следствие взялось за генералов, я позвонил Шахнавазу, сказав, что отправляю к нему тов. Якуби и прошу быть его решительным. Я также просил его заверить меня. Он согласился на встречу с тов. Якуби. Встреча состоялась. Прошел час, еще полчаса, а затем раздался звонок. Звонил Якуби. Он сказал, что, когда он назвал имена некоторых генералов, Шахнаваз не очень реагировал, но когда было названо имя Валишаха, он не дал своего согласия. Я Якуби спросил, что может не надо его арестовывать. Якуби ответил, что Шахнаваз решение принимать не будет. Я попросил передать трубку Шахнавазу, но он не стал со мной разговаривать и просил передать, что как я решу, с тем он и согласится. Я принял решение всех арестовать. На следующий день, после оперативного совещания, я попросил его задержаться. В нашей беседе я сказал ему, что вчера он должен был принять разумное решение и по телефону заверить меня: «Тов. Наджиб я всегда был рядом с вами в самое трудное время, выполнял все ваши приказы и указания, в Хосте сидел под обстрелами ракет по вашему указанию и теперь, когда Валишах оказался предателем, его надо схватить, но прежде дайте, чтобы я сам расправился с ним.»

Если других завербуют, то это можно как–то понять, но ведь ты – мой товарищ, партийный человек. Как ты мог стать предателем? А ведь дальнейшие события должны были развиваться так: после победы заговорщиков начальник управления связи (Алим Джан. – Примеч. перев.) должен был убрать Шахнаваза. Это задание было получено от Гульбуддина.

Мы также схватили Алим Джана. Об этом я известил Таная. Но все равно он просил помиловать Алим Джана и сказал, что партийные так никогда не поступают и не поступят. Я улыбнулся и сказал ему: «То, что до сих пор сделано, это сделано руками не партийцев? Амин, который поднял руку на Тараки, он не был партийным? Был партийным или нет?» Когда я с ним поговорил, он согласился со мной и ничего против не имел. Когда он вышел, он сказал, что это – заговор против него и против Хальк.

Он засел в министерстве обороны и поставил вокруг себя охрану, как Мешал Аун в Ливане. Я звонил, но он не поднял трубку, посылал людей, а он их не принял. Я узнал, что Вы собирались и хотели идти к нему, но он и Вас не принял. В конце концов мы помирились, и он попросил меня освободить четырех генералов. Я согласился и освободил их, но просил, чтобы они больше не работали. Он согласился со мной. На следующий день он провел собрание и заявил, что генералы были изменниками и мы их посадили в тюрьму. Но он просил за них у президента и их освободили из уважения к нему и к армии. Через несколько дней мне сообщили, что многие командиры танковых полков из разных дивизий, которые ему не подчинились, были сняты и заменены его людьми. Затем я вызвал его к себе и спросил, для чего ему все это надо. Он ответил, что это – обычная перестановка. Я спросил, сколько до этого было сделано замен и перестановок. Ответ: почти три тысячи. Я заметил: разве было такое распоряжение? Он ответил, что нет. Я сказал, что такие перестановки внесут недовольство в среду офицеров, но он все

равно сделал по–своему. Тогда я заметил, что за всем этим стоит определенная цель. Учитывая военное положение, я имел полное право дать указание, что без моего согласия никто не имеет право заменить даже лейтенанта. Из уважения к нему и к Вам я не сделал этого. Не сделал еще и потому, чтобы он не говорил, что я имею в своих руках всю власть, а он, министр обороны, – нет. Мои товарищи заметили, что в последнее время он усиленно проводит различные учения и маневры. Они и пришли ко мне, чтобы предупредить, что кто первый начнет, тот и победит. Но я сказал, что первый не начну, чтобы люди потом не говорили, что вынудил его бежать в Пакистан. Товарищи спросили, что если он первым начнет, он и победит? На что я ответил: «Аллах с нами, наше дело правое. И самое лучшее наступление – это хорошая защита».

Шахнаваз был очень высокомерен. Он считал, что, окончив десантное училище и став за короткое время генерал-полковником, достоин поста министра, и никто ему ничего не дарил. Без меня он, наверное, тоже имел эти возможности. Так почему же он тогда не стал начальником Генерального штаба, министром обороны, членом политбюро? Это я ему дал эту силу, как афганцу, как Танаю! Но он не афганец, не Танай! Я не знаю, кто он. Всю силу и власть, данные мной, он использовал против меня. Шахнаваз был очень высокого мнения о себе, думая, что если он военный человек, а я гражданский доктор, то он должен обязательно победить. Но этот простой доктор при поддержке Аллаха и Вашей помощи победил того, у кого были танки и авиация, и за 24 часа стабилизировал обстановку. У нас есть пословица: чаша высокомерия перевернута. Раз он начал первым, то я должен был себя защищать. И я защитился. Начни я первый, он обвинил бы меня, Вы обвинили бы меня, и я не смог бы с Вами разговаривать с поднятой головой. И теперь не надо особых аргументов для того, чтобы объяснить его предательство. У нас не хватит асфальта, чтобы отремонтировать те дороги, на которые упали бомбы, так как в этих местах хлещет вода.

Военные действия Шахнаваза начались 6 марта, а 2 марта я пригласил к себе домой его и Ватанджара. И сейчас я хочу сказать то, о чем я ему говорил. Пусть он услышит это. И если он имеет хоть немного гордости, то он должен застрелить себя. А если он этого не сделает, то пусть присоединится к США, Англии, Саудовской Аравии и Пакистану, которые ведут против нас войну.

В тот день у моей жены очень болели ноги и она лежала, но когда они пришли, она встала и сама приготовила кушанья. После обеда мы говорили и я спросил у Шахнаваза: «Чего ты хочешь, по какому пути ты идешь? Если ты начнешь действовать, то в живых никого не будет, а если все-таки ты победишь, ты думаешь долго продержаться? Зачем мы тогда объявили национальное примирение и призвали оппозицию разделить с нами власть, если мы можем продержаться сами? Мы хотели и хотим покончить с монополией власти. К кому ты пойдешь, к Гульбуддину? Ты думаешь, он тебя поддержит? Может быть, несколько дней и будет тебя поддерживать, а потом уберет». Он ответил, что он – умный генерал и никогда против меня не пойдет. Я опять спросил, чего он хочет, может, мое кресло? Если это так, я соберу политбюро, состоится пленум и на нем я объявлю, что больше я не генеральный секретарь, а этот молодой товарищ – ген. сек. Я скажу, что устал и больше не могу работать. Он ответил: «Что Вы? Мы не сможем найти такого, более способного руководителя, как Вы. У Вас много сил и энергии». Я сказал: «Тогда почему мы не можем прийти к общему мнению и устранить свои разногласия?» Шахнаваз заверил меня, что никогда не сделает ничего подобного. Он сказал, что физически уничтожит себя, будет опозорен историей и станет вторым Амином. Когда я выслушал его, то подумал, что он – хороший человек, что, может, я ошибаюсь, сказав жене и детям, товарищам, чтобы они готовились к бомбежке.

Я правильно думал. 6 марта на меня и моих детей он сбросил бомбы. Вы не думайте, что летчики были на его стороне. Было в его руках пять летчиков – предателей. Остальные были арестованы в Баграме. ВВС Балха прилетели и бомбили их на месте, в Баграме, а ВВС Шинданда объявили о боевой готовности. Некоторые пилоты, которых за-

ставляли бомбить Кабул, улетали из Баграма и сажали свои самолеты на Кабульском или Балхском аэродромах. Я тоже афганец и так бомбил Баграм, что даже камня там не осталось. Это, конечно, очень печально. Я – не халькист и не парчамист, а только Ваш слуга. Я объявил политику национального примирения. И эта политика дала свои результаты. Те летчики, которые мужественно защищали Джалалабад, участвовали в военных действиях в Хосте, Кандагаре, не могли забыть своих друзей, павших в боях. Как они могли перейти на другую сторону после всех испытаний? Они улетали с военных аэродромов, но бомбардировали Баграм. Для летчика 3 вылета в день считается нормальным. Но в тот день даже летчик, у которого был поврежден позвоночник, совершил 10 вылетов из Балха в Баграм. Ни в одной военной части провинций в этот день не раздалось ни одного выстрела в поддержку Шахнаваза. Военные части, расположенные вокруг Кабула, также не поддержали его, исключая отдельных лиц.

Некоторые командиры оппозиции, увидев победу вооруженных сил в тот день, направили мне послания, в которых говорится: «Мы не могли победить тебя все это время, но мы думали, что военные действия ведутся только с нашей стороны. А оказывается и внутри партии тоже нелегально воевали против тебя. Они тоже не могли одержать победу. Поэтому мы решили перейти на вашу сторону».

Хочу поздравить Вас с тем, что в Ваших венах теперь течет чистая кровь, а плохая кровь выплеснута. И еще я хочу сказать, что опухоль на теле удалена. Скоро в нашей стране установится мир, уважение афганского народа станет к Вам еще больше, а с командирами оппозиции мы придем к взаимопониманию. Западные страны до сих пор не хотели признавать наше правительство. Они думали, что оно неустойчивое по причине разногласий. Но теперь разногласия устранены. Вскоре эти страны изменят свою политику по отношению к Вам и признают Ваше правительство.

Мы не будем кичиться своими победами, а будем и дальше проводить политику национального примирения в жизнь. Мы показали всему миру, что у нас никто не отнимет власть, прибегнув к силе. Все надо решать мирным путем.

С объявлением политики национального примирения у нас появились разногласия, так как Шахнаваз с самого начала был против этого курса. Может я неправильно поступил, что хотел разделить власть с другими партиями? Не надо защищать себя военной техникой. Надо иметь определенные достоинства, чтобы тебя избрали в руководство страны. Ты танками и пушками вынудил сотни афганцев покинуть страну, а теперь называешь их предателями. А я хочу, чтобы они вернулись на родину и стали строить мирную жизнь. Враги афганского народа под предлогом присутствия советских войск хотели разделить Афганистан. Чтобы устранить этот предлог, мы попросили советское руководство вывести советские войска с территории Афганистана. Может неправильно, что я хочу дать возможность афганцам встать самим на ноги, без помощи извне?

В тот день советские товарищи звонили мне и предлагали помощь. Я выразил огромную благодарность и сказал, что мы сами справимся. Но если начнется агрессия со стороны Пакистана, тогда мы будем просить у вас помощи. При вводе советских войск, даже если они не будут действовать, никто не поверит, что мы победили сами. Советские товарищи спросили, сможем ли мы справиться сами. Я ответил, что надеюсь на Аллаха. И мы победили.

Наши деды и прадеды сами, своими силами победили Александра Македонского и отразили агрессию английских колонизаторов. Объявив политику национального примирения, я был обвинен Шахнавазом в измене партии, обращении к ихванистам («братьям–мусульманам»), приглашении Захир–шаха. Он говорил, что, совершив революцию, мы имели огромные потери, и многие погибли по нашей вине, а я его еще и приглашаю разделить власть.

А то что он пошел к нашему самому опасному врагу? Это не измена? Я проводил открытую политику, когда хотел сесть за стол переговоров с оппозицией, с Гульбуддином. Он обвинил меня в этом. А сам за спиной у всех имел связь с Гульбуддином.

Он был зол на меня, но я не пойму, почему? Я предлагал ему власть, а он от нее отказался. Я не знаю, почему у нас не было взаимопонимания. Стал генерал-полковником, стал членом ЦК, политбюро, стал министром, в Военном штабе был моим заместителем. Что он еще хотел? Зачем бомбить города? Он бомбил для того, чтобы доказать им (т.е. оппозиции. – Примеч. перев.) свою преданность. Между Индией и Пакистаном существуют разногласия. И он в угоду Пакистану бомбил посольство Индии и дом Хан Абдул Гафар Хана. Случайно бомба не попала в этот дом, а упала на другой.

Он не был уверен в победе, поэтому семью переправил в Баграм. Перед тем как убежать, он в своем кабинете оставил билет члена партии, тем самым предал партию. С собой он захватил секретные документы, организационные списки военных частей и пошел к Гульбуддину, как простой командир. (Обращаясь в зал). Этот товарищ генерал просил меня освободить из тюрьмы Пача Голя, я освободил его. На следующий день Нур и Гулабзой пришли ко мне и просили назначить Пача Голя министром. Тогда уважаемый Хасан Шарк был председателем Совета министров. Я говорил с ним об этом назначении и он согласился. А сейчас этот Пача Голь находится в Пакистане. После этого Вы сможете назвать их своими сыновьями?

НДПА еще не было, но Пакистан и тогда питал вражду к афганскому народу.

Если ты афганец, как ты мог склонить колено перед пенджабцем? Наши отцы и деды дубинками заставили пенджабцев стать мусульманами. Вспомните историю. Ахмад-шах Баба 9 раз покорял Пенджаб. А Шахнаваз пошел с поклоном к ним. Но я хочу заверить Вас в том, что у Вас есть достойные сыновья, которые высоко держат честь наших отцов.